Original article
УДК 332.1:351.7
https://elibrary.ru/LBQIZD

Public participation in the development of macro-regional strategy and its new role in public administration

Aleksey G. Komissarov
Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Mikhail Ye. Kuznetsov
Director, the federal autonomous research institution «The Eastern state planning center»; Head of the Laboratory at the center for system transformations, the faculty of Economics, the Lomonosov Moscow State University

Abstract. *This article explores transformation of the role of public participation in the Russian public administration system – from reactive feedback to the citizen participation in goal-setting – using the open (participatory) model for developing the Strategy for socioeconomic development of the Far-Eastern Federal district until 2036. It systematizes the evolution of institutions for taking into account the public's position: from the Soviet practice of scientifically substantiating decisions by the industry institutes through the foreign models of participatory planning and budgeting to the modern Russian instruments—regional management centers, citizen engagement in urban master planning, and participatory budgeting. The role of open strategizing as culmination of this evolution is demonstrated. Quantitative analysis of model's application is presented: 449 proposals from more than 26 organizations were processed within the interdepartmental framework, 340 citizen proposals from all 11 constituent entities of the district were received through the open digital platform, and accompanying survey (120 respondents) recorded a moderately positive assessment of the decade's results while maintaining critical demand. The results are compared with data from the nationwide sociological surveys conducted by the All-Russian Public Opinion Research Center (ARPORC), allowing us to trace shifts in perception of the Far East while maintaining a stable structure of problematic demand. Limitations of the open model and conditions for its implementation in the strategic planning practices are identified..*

Keywords: *public participation, participatory planning, strategic planning, public administration, feedback, the Far East, participatory budgeting, master plans, sociological surveys, open government*

For citation: Komissarov, A. G., Kuznetsov, M. Ye. (2026) Public participation in the development of macro-regional strategy and its new role in public administration. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (116), pp. 177–186. EDN: LBQIZD

© Komissarov A. G., Kuznetsov M. Ye., 2026

Научная статья

Общественное участие в разработке стратегии макрорегиона и его новая роль в государственном управлении

Алексей Геннадиевич Комиссаров[1], Михаил Евгеньевич Кузнецов[2]
[1] Ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
[2] Директор ФАНУ «Востокгосплан»; заведующий лабораторией Центра системных трансформаций МГУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация. *В статье исследуется трансформация роли общественного участия в российской системе государственного управления – от реактивной обратной связи к соучастию граждан в целеполагании – на материале открытой (партиципаторной) модели разработки Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2036 года. Систематизирована эволюция институтов учета позиции населения: от советской практики научного обоснования решений отраслевыми институтами через зарубежные модели партиципаторного планирования и бюджетирования к современным российским инструментам – центрам управления регионами, вовлечению жителей в мастер-планирование городов, инициативному бюджетированию. Показано место открытого стратегирования как верхней ступени этой эволюции. Представлена количественная характеристика применения модели: в межведомственном контуре отработано 449 предложений от более чем 26 организаций; через открытую цифровую платформу поступило 340 предложений граждан из всех 11 субъектов округа; сопровождающий опрос (120 респондентов) зафиксировал умеренно позитивную оценку итогов десятилетия при сохранении критичес-кого запроса. Результаты сопоставлены с данными всероссийских социологических замеров ВЦИОМ, что позволяет проследить сдвиг в восприятии Дальнего Востока при устойчивости структуры проблемного запроса. Сформулированы ограничения открытой модели и условия ее воспроизводства в практике стратегического планирования.*

Ключевые слова: *общественное участие, партиципаторное планирование, стратегическое планирование, государственное управление, обратная связь, Дальний Восток, инициативное бюджетирование, мастер-планы, социологические опросы, открытое правительство*

Для цитирования: Комиссаров, А. Г., Кузнецов, М. Е. Общественное участие в разработке стратегии макрорегиона и его новая роль в государственном управлении // Власть и управление на Востоке России. 2026 № 3 (116). С. 177–186. EDN: LBQIZD

Введение

Вопрос о том, как позиция населения должна учитываться в системе принятия государственных решений, относится к числу центральных для науки о государственном управлении. Классическая дилемма известна: документы, подготовленные узким кругом разработчиков, получают формальную легитимность через процедуру утверждения, но нередко оказываются оторванными от повседневной жизни людей, ради которых принимаются; напротив, широкое участие повышает реалистичность документа и его близость к действительным проблемам территории, однако требует институтов, способных переработать массовый и разнородный поток мнений в управленческие решения. При этом важно корректно определить пределы эффекта: общественное участие повышает качество целеполагания и полноту учета проблем, тогда как реализуемость стратегических решений определяется прежде всего ресурсной, в первую очередь финансовой, обеспеченностью.

© Комиссаров А. Г., Кузнецов М. Е., 2026

В настоящей статье эта проблематика рассматривается на материале разработки Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года [Стратегия …, 2026] (далее – Стратегия ДФО, Стратегия), при подготовке которой была применена открытая – в терминах международной литературы партиципаторная [Arnstein, 1969; ; Innes, Booher, 2010] – модель, впервые реализованная для стратегий макрорегионального уровня как целостная управленческая технология с выделенными контурами участия, регламентами обработки предложений и цифровой инфраструктурой. Отдельные элементы аналогичных практик применялись и в других российских кейсах, что делает сопоставительный анализ перспективным направлением дальнейших исследований.

Научный вклад статьи состоит в следующем: систематизирована эволюция российских институтов общественного участия в государственном управлении и определено место открытого стратегирования в этом ряду; дано первое количественное описание применения партиципаторной модели на макрорегиональном уровне стратегического планирования; результаты платформенного опроса сопоставлены с данными всероссийской социологии, что позволяет верифицировать выводы двух независимых методов измерения общественных настроений.

1. От научного обоснования решений к соучастию граждан: эволюция институтов

Идея о том, что крупные государственные решения должны опираться на систематизированное знание, имеет в отечественной традиции глубокие корни: в советской системе планирования проекты решений просчитывались и обосновывались отраслевыми научно-исследовательскими институтами и плановыми органами, и эта практика обеспечивала решениям доказательную базу. Ограничение модели состояло в том, что знание о территории извлекалось исключительно из экспертного контура, гражданин же выступал объектом, а не участником планирования.

Международная практика последних десятилетий двигалась встречным курсом – от экспертократии к соучастию. Классическая «лестница гражданского участия» Ш. Арнштейн задала нормативную шкалу от информирования к партнерству [Arnstein, 1969]; концепция ко-продукции публичных решений Э. Остром показала, что участие пользователей повышает качество публичных услуг [Ostrom, 1996]; теория коллаборативной рациональности обосновала продуктивность совместного планирования в сложных системах [Innes, Booher, 2010]; систематизация форм участия А. Фунга связала дизайн участия с типом решаемой задачи [Fung, 2006]. Практическим эталоном стало партиципаторное бюджетирование, распространившееся из Порту-Алегри более чем на несколько тысяч городов мира [Cabannes, 2004]. Вместе с тем литература фиксирует и ограничения: риски нерепрезентативности, высокие издержки обработки мнений, опасность имитационного участия, что делает институциональный дизайн критическим фактором успеха [Fung, 2006].

Российская система государственного управления за последнее десятилетие сформировала собственную линейку институтов участия, которую можно упорядочить по возрастанию глубины вовлечения. Первый уровень – реактивная обратная связь: центры управления регионами, агрегирующие обращения граждан из цифровых каналов и обеспечивающие реагирование на инциденты; их функция – оперативная коррекция работы государства, но не соучастие в выборе целей. Второй уровень – вовлечение в проектирование среды: практики соучаствующего проектирования при разработке мастер-планов городов, в том числе дальневосточных, где жители участвуют в определении приоритетов развития конкретных территорий. Третий уровень – соучастие ресурсами и приоритизация: инициативное бюджетирование, охватившее большинство субъектов Российской Федерации [Вагин, Гаврилова, Шаповалова, 2015], и смежные финансовые инструменты вовлечения граждан в развитие территорий. Откры-

тое стратегирование, рассматриваемое в настоящей статье, образует четвертый, верхний уровень: гражданин участвует не в реагировании и не в благоустройстве отдельного двора, а в определении долгосрочных целей развития макрорегиона – то, что по шкале Арнштейн соответствует переходу от консультирования к партнерству [Arnstein, 1969].

2. Открытая модель разработки Стратегии ДФО: архитектура

Открытая модель разработки Стратегии ДФО была спроектирована как система из трех контуров участия, различающихся составом участников и форматами вовлечения.

Первый контур – межведомственный и межрегиональный. В проработке Стратегии участвовали федеральные органы исполнительной власти, государственные корпорации и все субъекты округа. Организационную основу контура составила единая система сбора и отработки предложений: в общей сложности рассмотрено 449 предложений от более чем 26 организаций, по каждому из которых принято и зафиксировано мотивированное решение (учтено, учтено частично, отклонено с обоснованием). Мотивированный ответ не гарантирует согласия автора предложения с принятым решением, однако обеспечивает проверяемость: любой участник может установить, как и почему решена судьба его инициативы, – и именно это отличает содержательный учет позиций от формального сбора мнений.

Второй контур – экспертно-общественные обсуждения в регионах. Во всех 11 субъектах округа прошли стратегические сессии, организованные региональными командами при методической поддержке Минвостокразвития России и ФАНУ «Востокгосплан»: региональные власти, бизнес, наука и общественность верифицировали региональные разделы Стратегии – перспективные специализации, флагманские проекты, приоритеты пространственного развития.

Третий контур – гражданский. Для массового участия была развернута открытая цифровая платформа (dfostrategy.vostokgosplan.ru) с полным текстом проекта Стратегии и возможностью для любого желающего внести предложение; прием предложений осуществлялся до 31 мая 2026 года. Параллельно на платформе проводился опрос о восприятии развития макрорегиона. Все три контура работали на единую аналитическую воронку: предложения классифицировались по разделам Стратегии, проверялись на реализуемость и выносились на решение редакционной группы – конструкция, позволившая совместить широту охвата с управляемостью процесса.

3. Гражданский контур в цифрах

Массив данных открытой платформы (dfostrategy.vostokgosplan.ru) дает первое для отечественной практики количественное описание гражданского участия в макрорегиональном стратегировании.

За период работы платформы поступило 340 предложений. Динамика подачи носила волнообразный характер (рис. 1): пики активности (до 108 предложений в неделю в начале мая и 76 – в последнюю неделю приема) синхронизированы с волнами информационной кампании в региональных СМИ и приближением объявленного срока завершения приема – 31 мая 2026 года. Подавляющее большинство авторов (95%) обратились однократно – платформа привлекла преимущественно новую для процессов стратегирования аудиторию. При медианной длине предложения около 420 знаков примерно каждое седьмое (15%) представляет собой развернутый текст объемом более 2000 знаков – от структурированных программ до постатейных поправок к проекту Стратегии, подготовленных экспертами и научными коллективами.

Тематическая структура (табл. 1) демонстрирует отчетливую доминанту повседневной среды жизни: более трети (34,4%) предложений относятся к инфраструктуре, еще 18,8% – к образованию, культуре и спорту, 15,6% – к демографической проблематике. Производственные темы – добыча и переработка полезных ископаемых, наука и бизнес – занимают в структуре суммарно 6,4%. Этот результат содержательно значим: гражданский контур закономерно дополняет экономи-

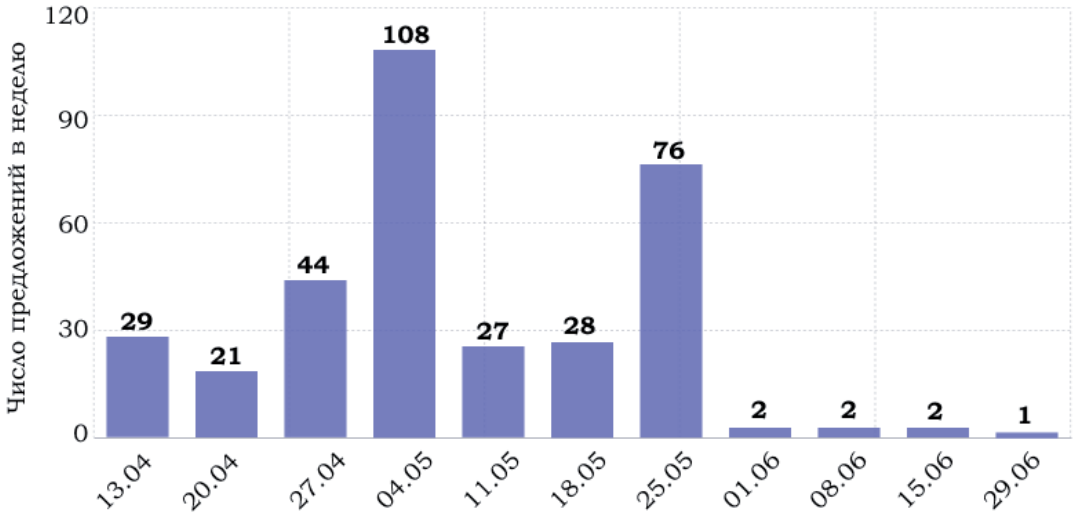

Рис. 1. Динамика поступления предложений на открытую платформу по неделям, апрель – июль 2026 г.

коцентричную оптику ведомственного и экспертного контуров запросом на качество среды и социальную инфраструктуру, подтверждая корректность выведения народосбережения и среды для жизни на уровень сквозных приоритетов Стратегии.

География участия (табл. 2) охватила все 11 субъектов округа; при этом 17,1% предложений адресованы Дальнему Востоку в целом, что свидетельствует о наличии у части авторов макрорегионального видения. Активность регионов не пропорциональна численности населения: лидирует Амурская область (23,2% предложений), что указывает на значимость региональных информационных кампаний и очных мероприятий как драйвера участия.

4. Опрос на платформе и всероссийская социология: два измерения одного запроса

Сопровождавший платформу опрос (120 респондентов, из них 96% – жители ДФО) представляет самостоятельную ценность при корректном понимании его статуса: платформенный опрос не претендует на репрезентативность классического социологического исследования, но дает то, чего репрезентативная социология не дает, – связку «оценка – конкретное предложение – управленческое решение». Продуктивная стратегия состоит поэтому не в противопоставлении, а в сопоставлении двух методов.

Опрос зафиксировал умеренно по-

Таблица 1

Структура предложений граждан по направлениям развития

Направление развития	Число предложений	Доля, %
Инфраструктура	117	34,4
Образование, культура и спорт	64	18,8
Рост населения	53	15,6
Технологии и инвестиции	31	9,1
Экология	27	7,9
Туризм и сотрудничество	26	7,6
Добыча и переработка полезных ископаемых	13	3,8
Наука и бизнес	9	2,6
Итого	**340**	**100,0**

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Географическая структура предложений

Территория	Число предложений	Доля, %
Амурская область	79	23,2
Весь ДФО*	58	17,1
Приморский край	52	15,3
Хабаровский край	37	10,9
Камчатский край	26	7,6
Забайкальский край	19	5,6
Республика Саха (Якутия)	18	5,3
Сахалинская область	15	4,4
Чукотский АО, Республика Бурятия, Магаданская область (по 10)	30	8,8
Еврейская автономная область	6	1,8
Итого	**340**	**100,0**

**Предложения адресованы Дальнему Востоку в целом.*
Источник: составлено авторами.

зитивную, но далекую от единодушия картину восприятия итогов десятилетия. Существенные изменения в социально-экономической сфере за 2016–2025 годы отметили 61% респондентов. Оценки положительны по всем трем измерениям: экономике (51% положительных и скорее положительных против 37% отрицательных), социальной сфере (48% против 41%) и инфраструктуре (54% против 36%), однако доля критических оценок во всех случаях превышает треть (рис. 2). Среди факторов, сдерживающих реализацию потенциала макрорегиона (рис. 3), доминируют социально-бытовые: низкие доходы при высоких ценах (60% респондентов), дефицит кадров (55%), неблагоустроенность населенных пунктов (54%), транспортные проблемы (50%), износ ЖКХ (48%).

Сопоставление с данными ВЦИОМ придает этим результатам глубину. Замеры 2020–2021 годов фиксировали пиковые миграционные настроения – о желании сменить место жительства заявляли до 48% жителей округа – при том же наборе претензий: уровень зарплат, дороговизна жизни, качество здравоохранения [ВЦИОМ ..., 2021]. Более ранние всероссийские исследования устойчиво выделяли ту же триаду особенных дальневосточных трудностей – медицину, стоимость жилья, транспортную доступность [Дальний Восток, 2015]. На

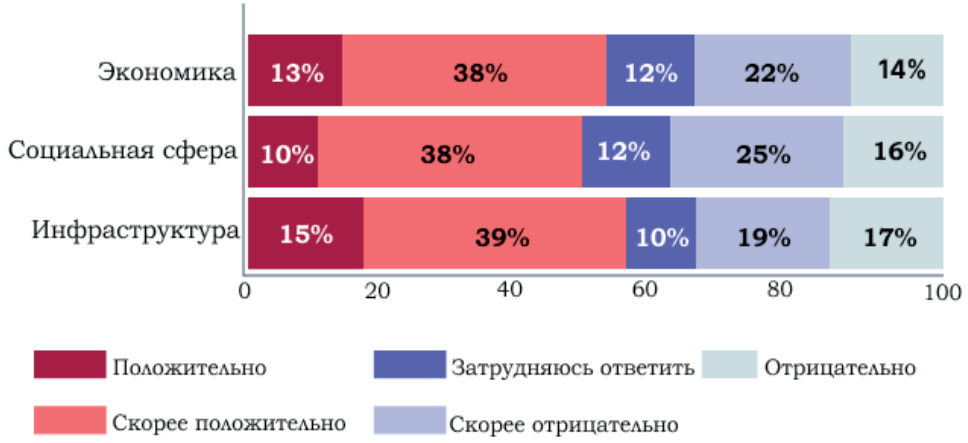

Рис. 2. Оценка жителями изменений на Дальнем Востоке за 2016–2025 гг. по трем сферам (n = 120)

Рис. 3. Факторы, сдерживающие реализацию потенциала Дальнего Востока (n = 120, множественный выбор)

этом фоне результаты платформенного опроса 2026 года читаются как фиксация сдвига при преемственности запроса: структура проблем осталась прежней – доходы, среда, транспорт, здравоохранение, однако баланс оценок динамики стал положительным, а большинство респондентов признает произошедшие изменения. Это согласуется и с качественным выводом руководства ВЦИОМ о состоявшемся «перевороте в восприятии» Дальнего Востока – от территории догоняющего развития к территории возможностей [Критически …, 2022]. Приоритизация направлений развития, по данным опроса (табл. 3), демонстрирует содержательно зрелую картину: в экономическом блоке респонденты воспроизводят логику «добыча плюс переделы плюс технологии», заложенную в Стратегию, в социальном – безусловный приоритет доходов и демографических целей.

Среди мер государственной поддержки социального развития респонденты чаще всего выбирали развитие транс-

Таблица 3

Приоритетные направления развития по данным опроса (средний ранг; чем меньше значение, тем выше приоритет)

Экономическое развитие	Ранг	Социальное развитие	Ранг
Добывающая промышленность	3,6	Рост доходов и снижение бедности	2,8
Высокотехнологичные и наукоемкие отрасли	4,0	Повышение рождаемости	3,0
Перерабатывающая промышленность	4,5	Снижение смертности	3,5
Рыбохозяйственный комплекс	5,6	Снижение заболеваемости	3,8
Лесное хозяйство	5,7	Преодоление дефицита врачей и учителей	4,9

Источник: составлено авторами.

портной инфраструктуры и доступности регионов (76%), строительство и оснащение социальных объектов (68%), повышение заработной платы работникам социальной сферы и субсидирование авиабилетов (по 63%) – набор, прямо корреспондирующий с инфраструктурным и социальным блоками Стратегии.

5. Влияние на содержание документа и ограничения модели

Ключевой вопрос к любой партиципаторной процедуре – изменила ли она итоговый документ. Опыт разработки Стратегии дает основания для положительного ответа. Во-первых, по каждому из 449 предложений межведомственного контура зафиксировано мотивированное решение редакционной группы; сопоставление тематики поступивших инициатив с итоговой редакцией документа показывает, что процедура работала как содержательный фильтр, а не формальность: предложения либо находили отражение в тексте, либо отклонялись с обоснованием, фиксируемым в единой таблице отработки. Во-вторых, региональные сессии повлияли на региональные разделы: значительная часть позиций по специализациям и флагманским проектам прошла верификацию или была скорректирована в диалоге с региональными сообществами. В-третьих, тематическая структура гражданских предложений (табл. 1) сместила внимание редакционной группы к вопросам среды для жизни и социальных сервисов.

Текстологическое сопоставление гражданского массива с итоговой редакцией Стратегии показывает, что темы порядка трех четвертей поступивших инициатив имеют прямой адрес в положениях документа; характерные примеры – диагностика дефицита спортивной инфраструктуры малых городов и сельской местности, ставшего одной из самых массовых тем обращений, и норма о развитии экологического туризма и рекреационной деятельности в границах особо охраняемых природных территорий при соблюдении режима особой охраны. Инициативы локального характера – отдельные дороги, мосты, объекты социальной сферы конкретных поселений, – составляющие значимую часть массива, по своему масштабу относятся к предмету региональных программ и переданы для учета в соответствующие субъекты, а также будут учтены при разработке плана реализации стратегии.

Ограничения модели требуют прямой фиксации. Первое – репрезентативность: участники платформы – самоотобранная аудитория, и наиболее уязвимые группы населения представлены в ней слабее; систематическое решение состоит в дополнении открытых каналов репрезентативным социологическим инструментарием, что подтверждает продуктивность связки с исследованиями ВЦИОМ. Второе – трудоемкость квалифицированной обработки предложений, растущая нелинейно при масштабировании; перспективный ответ – технологии интеллектуального анализа текстов для первичной классификации при сохранении содержательного решения за экспертом. Третье – управление ожиданиями: открытый прием формирует у участников ожидание учета, и мотивированная обратная связь по каждому предложению является не факультативной вежливостью, а несущей конструкцией модели. Четвертое – раннее вовлечение: максимальный эффект участие дает на стадии выработки развилок, а не финального редактирования документа.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать три вывода. Во-первых, в российской системе государственного управления сложилась многоуровневая линейка институтов общественного участия – от реактивной обратной связи центров управления регионами через соучаствующее проектирование в мастер-планировании и инициативное бюджетирование к открытому стратегированию, – и опыт Стратегии ДФО показывает работоспособность верхнего уровня этой линейки: участия граждан в определении долгосрочных целей развития макрорегиона.

Во-вторых, количественная характеристика применения модели – 449 предложений организаций, 340 предложений граждан из всех субъектов округа, содер-

жательно зрелая приоритизация в опросе – свидетельствует, что массовое участие при должном институциональном дизайне генерирует не «шум», а управленчески значимое знание, дополняющее экспертную оптику запросом на качество повседневной жизни.

В-третьих, сопоставление платформенных данных с всероссийской социологией демонстрирует взаимодополняемость методов: репрезентативные опросы фиксируют фон общественных настроений, платформенное участие переводит настроения в конкретные предложения к тексту государственного документа. Стратегия, в разработке которой граждане участвовали как соавторы, входит в стадию реализации с большим запасом общественной поддержки, чем документ, созданный в тишине кабинетов, – и превращение такого участия из эксперимента в норму стратегического планирования представляется закономерным следующим шагом развития российской системы государственного управления.

Список источников/References

1. Вагин, В. В., Гаврилова, Н. В., Шаповалова, Н. А. Инициативное бюджетирование в России: лучшие практики и направления развития // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 4. С. 94-103. EDN: QGCHSP

Vagin, V. V., Gavrilova, N. V., Shapovalova, N. A. (2015) Proactive budgeting in Russia: best practices and development directions. *Financial Journal*, no. 4, pp. 94–103. EDN: QGCHSP (in Russ.).

2. ВЦИОМ: сменить место жительства хочет почти половина жителей ДФО // EastRussia. 21.06.2021. URL: https://www.eastrussia.ru/news/vtsiom-smenit-mesto-zhitelstva-khochet-pochti-polovina-zhiteley-dfo.

VTsIOM: almost half of the residents of the Far Eastern Federal District want to change their place of residence // EastRussia. 06/21/2021. URL: https://www.eastrussia.ru/news/vtsiom-smenit-mesto-zhitelstva-khochet-pochti-polovina-zhiteley-dfo (in Russ.).

3. Дальний Восток – будущее России: результаты исследования ВЦИОМ // EastRussia. 28.07.2015. URL: https://www.eastrussia.ru/material/dalniy-vostok-budushchee-rossii

The Far East – the future of Russia: the results of a VTsIOM study // EastRussia. 07/28/2015. URL: https://www.eastrussia.ru/material/dalniy-vostok-budushchee-rossii (in Russ.).

4. Критически важная задача – совершить урбанистическую революцию на востоке страны: интервью генерального директора ВЦИОМ // ВЦИОМ. Новости. 2022. URL: https://wciom.ru/sobytie/kriticheski-vazhnaja-zadacha-sovershit-urbanisticheskuju-revoljuciju-na-vostoke-strany

A critically important task is to make an urban revolution in the east of the country: interview with the Director General of VTsIOM // VTsIOM. News. 2022. URL: https://wciom.ru/sobytie/kriticheski-vazhnaja-zadacha-sovershit-urbanisticheskuju-revoljuciju-na-vostoke-strany (in Russ.).

5. Открытая платформа обсуждения Стратегии развития ДФО. URL: https://dfostrategy.vostokgosplan.ru

An open platform for discussing the Development Strategy of the Far Eastern Federal District. URL: https://dfostrategy.vostokgosplan.ru (in Russ.).

6. Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года (проект): подготовлена Минвостокразвития России, 2026.

The Strategy of socio-economic development of the Far Eastern Federal District until 2030 with a forecast up to 2036 (draft): prepared by the Ministry of Regional Development of Russia, 2026, (in Russ.).

7. Arnstein, S. R. (1969) A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Institute of Planners*, vol. 35, no. 4, pp. 216–224. DOI: 10.1080/01944366908977225

8. Innes, J. E., Booher, D. E. (2010) Planning with Complexity: An Introduction to Collabor-

ative Rationality for Public Policy. London: Routledge,. DOI: 10.4324/9780203864302

9. Ostrom, E. (1996) Crossing the Great Divide: Coproduction, Synergy, and Development. *World Development*, vol. 24, no. 6,pp 1073–1087. DOI: 10.1016/0305-750-X(96)00023-X

10. Fung, A. (2006) Varieties of Participation in Complex Governance. *Public Administration Review*, vol. 66, suppl. 1, pp. 66–75. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2006.00667.x

11. Cabannes, Y. (2004) Participatory Budgeting: A Significant Contribution to Participatory Democracy. *Environment and Urbanization*, vol. 16, no. 1, pp. 27–46. DOI: 10.1177/095624780401600104

Статья поступила в редакцию 20.07.2026; одобрена после рецензирования 14.08.2026; принята к публикации 17.08.2026.

The article was submitted 20.07.2026; approved after reviewing 14.08.2026; accepted for publication 17.08.2026.

Информация об авторах

А. Г. Комиссаров – кандидат экономических наук, ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

rector@ranepa.ru

М. Е. Кузнецов – кандидат экономических наук, директор федерального автономного научного учреждения «Восточный центр государственного планирования»; заведующий лабораторией Центра системных трансформаций экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

m.kuznetsov@vostokgosplan.ru, https://orcid.org/0000-0001-5657-8184

Information about the authors

A. G. Komissarov – Candidate of Economic Sciences, Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

rector@ranepa.ru

M. Ye. Kuznetsov – Candidate of Economic Sciences, Director, the federal autonomous research institution «The Eastern state planning center»; Head of the Laboratory at the center for system transformations, the faculty of Economics, the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

m.kuznetsov@vostokgosplan.ru, https://orcid.org/0000-0001-5657-8184